

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК: 911.3

Г.А. Пивовар¹, А.И. Алексеев²

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ НА ГРАНИЦЕ С МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИЕЙ

Рассмотрены явления и процессы, характерные для современной сельской местности, находящейся под влиянием Московской агломерации. В качестве теоретической базы для осмысления была принята идея сельско-городского континуума. Дополнены перечни ключевых процессов и связей, характерных для взаимодействия города и села (по К. Линчу). Проведена типология «сельских миров», выделена группа «новых деревенских» – коренных горожан, выбравших село как пространство для собственной жизни и деятельности.

Ключевые слова: трансформация сельской местности, рост многоукладности, периферия Московской агломерации, постсоветская деревня.

Введение. Взаимодействие и взаимовлияние городской и сельской действительности становятся все более явными и актуальными для современных исследователей. Активная диффузия городского образа жизни и различных современных городских практик определяют явственность трансформаций, происходящих в сельской местности. Данность эта является нам как в изменении состава населения, так и в появлении новых функций, новых типов хозяйственной деятельности и новых жизненных стратегий коренного населения [Между домом ..., 2016]. Происходящие процессы усложняют определения сельского пространства и сельского образа жизни как такового. Ответить на него однозначно на сегодняшний день не представляется возможным, что не освобождает нас, как исследователей, от поиска возможных форматов и версий, выявления закономерностей происходящих процессов.

Материалы. Основой для написания данной статьи является лонгитюдное наблюдение трансформационных процессов в одном из районов, граничащих с Московской областью. Было проведено более 40 глубинных интервью с представителями как местного населения, так и местной власти, сезонным населением, местными предпринимателями.

Результаты. Кто такой сельский житель? Необходимость уточнения этого термина все чаще встает перед исследователями сегодняшнего села, особенно когда речь идет о пригородных зонах, которые имеют унаследованную систему расселения и хозяйства и по-прежнему достаточно самобытны, чтобы именоваться сельскими, а не дачными, но где, в то же время, уже произошли глобальные процессы трансформации.

Является ли сельским жителем тот, кто родился, проживает и занят на сельской территории, или к

сельским жителям мы можем отнести постоянно проживающих на сельской территории, не принимая во внимание место рождения и специфику занятости? Сколько собственного жизненного времени должен проводить человек на сельской территории, чтобы считаться «деревенским»? Или, возможно, категория времени тут не играет определяющую роль, а истинно сельский житель – это тот, кто ведет приусадебное хозяйство и знает «с какой стороны надо подходить к корове»? Или надо отходить от традиционной дихотомии «городское/сельское население», и выделять «промежуточные» группы?

Реалии сегодняшнего дня показывают, что даже индивид, рожденный, проживающий, трудоустроенный в селе совсем не обязательно обладает теми навыками, которые мы в собственных устоявшихся представлениях относим к исконно сельским, конструирующим «фенотип» села. Напротив, зачастую новоприбывший житель крупного города, стремящийся к «экологическому быту», активно начинает их осваивать: разводить коз, знакомиться с дровяным самоваром и даже собирать и восстанавливать по крупинкам локальные обычаи. Традиционный образ деревни в зоне ближайшей периферии Московской агломерации уходит в прошлое вместе с последними представителями довоенного поколения, поддерживающими и воспроизводящими его собственным сформированным укладом жизни.

Для более адекватного понимания современной «сельскости» полезным будет вспомнить идеи сельско-городского континуума, возникшие на рубеже 1930-х гг. у П.А. Сорокина и К. Циммермана, исходящие из определения идеальной деревни, идеального города и гаммы переходов между ними [Трейвиш, 2016]. Изначально это явное противопоставление городского и сельского поддерживалось

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, географический факультет, аспирант; e-mail: pivovar.gal@gmail.com

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, географический факультет, докт. геогр. н., профессор; e-mail: alival@mail.ru

большинством исследователей [Wirth, 2005; Redfield, 1947], но на сегодняшний день представление это трансформировалось и скорее представляет собой «неприятие полярности города и села, их резкого территориального и социального раздела» [Трейвиш, 2016, с. 4].

В одном из современных исследований [Полян, 2001] выделяется 2 базовых типа взаимодействия города и села по принципу «человеческих потоков»: 1 – трудовые миграции из сельской местности в крупные города и 2 – миграции городских дачников, заполняющих летом (а порой и круглогодично) пригороды и периферию ряда регионов. Справедливо отмечается, что оба этих процесса, как и упомянутые ранее, никак не регистрируются и не отражаются в статистических или иных формальных источниках [Нефедова, 2013, с. 27]. Но к такому генерализованному разделению на сегодняшний день можно уверенно добавить группу, качественно отделившуюся от обобщенного понимания «дачников» («горожане по регистрации, имеющие дом и землю в сельской местности, где они проводят какое-то время» [Нефедова, 2013]), как исключительно пассивной категории населения, рассматривающих сельскую местность преимущественно как рекреационный ресурс. Пожалуй, было бы уместно назвать их «новыми деревенскими» – исконно городскими жителями, осознанно сделавшими выбор в пользу сельской местности как пространства для собственной жизни, а очень часто и деятельности. Данная деятельность может включать в себя как традиционные сельские сферы производства сельскохозяйственной продукции, так и бизнес, основанный на рекреации, и даже культурную и ремесленную деятельность. Таких людей по-прежнему не много, они не составляют значимой статистической величины, и, в то же время, большинство из этих людей или семей – очень значимы и заметны в деревенской повседневности. Именно они чаще всего создают новые смыслы в сельском пространстве, определяя «сельский ландшафт» и, как будет показано далее, зачастую именно они оберегают прежние смыслы.

Возвращаясь к идеям село-городского континуума, остановимся на одной из значимых, по мнению А.И. Трейвиша [2016], моделей, которой являются основные село-городские связи, выявленные и описанные К. Линчем. Принципом их выделения становятся процессы, характерные для село-городского взаимодействия. Однако, на наш взгляд, с момента создания этой типологии [Lynch, 2005] ситуация значительно видоизменилась. Кроме того, список связей можно несколько расширить непосредственно под рассматриваемую территорию. Все дополненное справедливо для сельского района, находящегося под значительным влиянием Московской агломерации.

Как мы видим, количество связей возросло и увеличилось влияние города на сельскую местность в связи с большей ресурсностью и большей внутренней пассионарностью города. Особенно интерес-

ны изменения в ценностных ориентациях населения, происходящие благодаря влиянию города. Внутренние процессы, характерные для сельской местности в поздний советский и постсоветский периоды были направлены исключительно на попытку сельских жителей максимально «приблизиться» по типу и нормам бытового существования к городскому образу жизни, как более комфортному и социально престижному. Пожалуй, лишь самые старшие жители, военное и поствоенное поколение, скорее по консервативным соображениям, сохраняли прежний жизненный уклад. Их дети и внуки ценным признают все иное, зачастую формируя идеальное по принципу «от обратного». В этом стремлении, даже культурологические и приятные сельские традиции, попытки их воспроизводства, воспринимались абсолютным большинством деревенских жителей как «колхозность», излишняя простодушность.

К примеру, в качестве приятного подарка в деревне куда более охотно будет принята фабричная коробка конфет, нежели домашний испеченный пирог. Такой традиционный и весьма удобный головной убор как косынка, почти никогда не используется молодыми девушками и женщинами из деревни, и весьма охотно входит в обиход дачниц и «новых деревенских» жительниц. Таких локальных бытовых примеров расхождения образа «деревенского» и современного деревенского уклада, свойственного современным сельским жителям, можно привести еще великое множество.

Одновременно идет обратный процесс, вхождения «в моду» сельского образа жизни, для представителей городского среднего класса. Именно из числа «приезжих» на село и укоренившихся там бывших горожан, находятся индивиды, которые с трепетом относятся к локальной идентичности того места, в котором они обрели свой новый дом. Известны примеры «сбора и сохранения рухляди» (предметов традиционного крестьянского быта), создания локальных праздников и фестивалей, основанных на исторических событиях данной местности, инициированных именно «новыми деревенскими». Безусловно, происходящее в незначительной степени объясняется уровнем образования, жизненного опыта, а порой и материальных возможностей, зачастую более высоких у приезжего укоренившегося населения.

На сегодня социально-экономическая структура села не демонстрирует нам абсолютно доминантную роль горожан, социальное расслоение по принципу рождения; есть отдельные зажиточные дома тех и других категорий населения, общая масса дачников, скорее относящихся к «среднему классу» и общая масса чуть более бедного местного населения.

Постепенное обретение селянами различных технологических благ уменьшало, а то и стирало материальные различия между «сельскими» и «городскими», характерные для советского и начала постсоветского периода. В начале 90-х это была стационарная телефонная связь (доступная только отдельным особо зажиточным жителям), в начале

двухтысячных – первая мобильная связь и собственный автомобиль, в зажиточное время – до кризиса 2008 г. – отдельные семьи (местных предпринимателей) приобретали уже экзотические виды транспорта (снегоходы, квадроциклы).

Современная сельская местность, находящаяся в активной зоне влияния агломерации, – это весьма неоднородная масса людей, хозяйственных элементов и систем интересов, взаимопроникновение и столкновение которых, собственно, и создает сегодняшний облик деревни. В процессе отстаивания собственных прав как на участие, так и на присвоение сельского пространства весьма явственен конфликт между традиционной деревней, постсоветской деревней, дачной деревней и «новой деревней». Образно эти «миры» разделяются следующим образом:

Традиционная деревня – люди (пространства), воспроизводящие редкие практики традиционной сельской жизни, существующие прежде всего в периферийных сельских населенных пунктах.

Постсоветская деревня – самая явная и многочисленная группа, прежде всего в бывших центральных усадьбах колхозов; здесь «деревенское» становится синонимом упрощенного и непривлекательного, незатейливого. Чаще всего эта деревня «кормится» в городах, на самых неквалифицированных работах. Она и стремится к городскому образу жизни, но через те символы и действия, которые постепенно отбрасываются самими городами: неумеренным потреблением, автомобилизацией, и т. д.

Дачная деревня – весьма неоднородна. Она начала формироваться в позднесоветский период дачными кооперативами, а на сегодняшний день переросла в формы клубных поселков, отдельных ранчо. К ней уместно отнести все, что имеет сезонный характер и ориентируется на рекреацию, как на базовый вид деятельности, в том числе и постепенно отмирающий вид летнего отдыха «у бабушки». Столь популярные у современных исследователей экопоселения также преимущественно относятся к этой категории. За представлениями и мечтами большинства людей, относящих себя к экопоселенцам, за редким исключением, не происходит никаких реальных действий.

«Новая деревня» – пожалуй, самая неоднородная категория, к ней относятся все круглогодично проживающие в селе выходцы из крупных городов (многие из которых сохранили городские квартиры)

и все, кто некогда сознательно выбрав для себя это место, стал заниматься любой предпринимательской деятельностью. К этой категории уместным представляется отнести как семью военнослужащих на пенсии, которые завели около сотни коз, и совместно с женой занимается крестьянским хозяйством, так и владельцев крупного рекреационного объекта, вложивших в него значительные инвестиции, и даже выходца из Москвы, имеющего пассивный доход в городе и перебравшегося на постоянное место жительства в сельскую местность, нашедшего для себя пчеловодство, как занятие по душе, приносящее небольшой непостоянный доход. Новые «деревенские» – это прежде всего социальная сеть; они опознают друг друга и активно взаимодействуют друг с другом по различным вопросам. Зачастую их деятельность приводит к появлению еще одной нестабильной социальной группы: временных трудовых мигрантов – поскольку местные жители далеко не всегда соглашаются на них работать.

Выводы:

– мы наблюдаем все нарастающее воздействие городского влияния на сельскую действительность в зоне Московской агломерации. «Городское» уже не просто является примером для подражания «сельскому», оно становится новым актором сельской хозяйственной деятельности, новой экономикой и новым переосмыслением «сельскости» как традиционных и экологических ценностей. В то же время «исконно сельское» активно отказывается от собственных черт, постепенно теряя характерные практики и даже такие значимые ранее хозяйственные элементы, как личное подсобное хозяйство, огородничество, садоводство – становятся рудиментарными явлениями. Возникает феномен «расслоения сельских миров», каждый из которых характеризуется определенной внутренней структурой, ценностями и спецификой;

– в исследованном районе выделено 4 «сельских мира»: 1 – традиционное село, сохраняющее привычный образ жизни; 2 – постсоветская деревня, ориентированная на работу в городах – в основном маятниковые мигранты и отходники; 3 – дачники – сезонное население, ориентированное на рекреацию как на базовый вид деятельности; 4 – «новые деревенские» – исконно городские жители, осознанно сделавшие выбор в пользу сельской местности как пространства для собственной жизни, а очень часто и деятельности.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00725.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Между домом ... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.

Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с.

Полян П. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. 788 с.

Трејвиш А.И. Сельско-городской континуум: региональное измерение // Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 52–70.

Lynch K. Rural-urban interaction in the developing world. London – New York: Routledge, 2005. 209 p.

Redfield R. Tepoztlan, a Mexican village: a study in folk life. Chicago: University of Chicago Press, 1930. 247 p.

Wirth L. Urbanism as a way of life // American j. of sociology. 1938. V. 44. P. 1–24.

Поступила в редакцию 03.07.2018

Принята к публикации 20.07.2018

G.A. Pivovar¹, A.I. Alekseev²

RURAL-URBAN RELATIONSHIPS AT THE BORDER OF THE MOSCOW AGGLOMERATION

The article examines phenomena and processes characteristic of today's rural areas, which are under the influence of the Moscow agglomeration. As a theoretical basis for understanding, the idea of rural-urban continuum was adopted. The lists of key processes and relations, characteristic of rural-urban interactions (after K. Lynch), are supplemented. A typology of «rural worlds» is suggested; a group of «new villagers» – the indigenous urban dwellers who have chosen village as a space for their own life and activities – is identified.

Key words: transformation of the countryside, growing multistructurality, periphery of the Moscow agglomeration, post-Soviet village.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-011-00725).

REFERENCES

Lynch K. Rural-urban interaction in the developing world. London–New York: Routledge, 2005. 209 p.

Mezhdu domom ... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between home ... and home. Reversal spatial mobility of the population in Russia] / Ed. T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Mahrova: New chronograph, 2016. 504 p. (In Russian).

Nefedova T.G. Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii. Otveti geografa. [Ten topical questions about rural Russia. The answers of a geographer]. M.: Lenand, 2013. 456 p. (In Russian).

Paciorkovskii V.V. Sel'sko-gorodskaya Rossiya [Rural-urban Russia]. M.: ISEP RAS, 2010. 390 c. (In Russian).

Polyan P. Territorial'nye struktury – urbanizaciya – rasselenie: teoreticheskie podhody i metody izucheniya [Territorial structures – urbanization – settlement: theoretical approaches and methods of study]. M.: New Chronograph, 2014. 788 p. (In Russian).

Redfield R. Tepoztlan, a Mexican village: a study in folk life. Chicago: University of Chicago Press, 1930. 247 p.

Trejvish A.I. Sel'sko-gorodskoj kontinuum: regional'noe izmerenie [The rural-urban continuum: a regional dimension] // Problems of regional development in Russia. M.: Kodeks, 2016. P. 52–70 (In Russian).

Wirth L. Urbanism as a way of life // American j. of sociology. 1938. V. 44. P. 1–24.

Received 03.07.2018

Accepted 20.07.2018

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, post-graduate student; e-mail: pivovar.gal@gmail.com

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: alival@mail.ru